

«История короля Богемии и его семи замков» (1830) Шарля Нодье: когда сам язык помогает переводить игру слов

© 2024, В.А. Мильчина

Институт высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского
Российского государственного гуманитарного университета,
Москва, Россия

Российская государственная академия народного хозяйства при Президенте
Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация: В начале 1830 г. в Париже вышел в свет роман Шарля Нодье «История короля Богемии и его семи замков». Роман этот даже в XXI в. может показаться авангардным и нарушающим все литературные каноны и правила. В нем повествователь делится на три ипостаси, которые постоянно вступают между собою в споры, в нем смешаны самые разные стили и жанры, в нем автор сопровождает многие слова цепочками из нескольких десятков рифмующихся синонимов. Все это не облегчает задачу перевода «Истории короля Богемии» на любой язык, даже на родственный романский, не говоря уже о русском. По-видимому, этим и объясняется тот факт, что два перевода романа, на испанский и на английский язык, появились только в XXI в., один в 2016, а другой в 2023 г., а перевода на русский язык в настоящее время нет. Автор статьи работает над русским переводом «Истории короля Богемии» для серии «Литературные памятники»; предлагаемая заметка посвящена одному аспекту этой работы. Но речь в ней идет не о трудностях перевода (что в данной ситуации было бы вполне логично), а о его «легкостях», то есть о тех случаях, когда русский язык предоставляет переводчику средства словесной игры, отсутствующие во французском. Например, нейтральные «головы для париков» (*têtes à perruques*), которые в романе оживают, но ведут себя как глупые истуканы, в переводе на русский язык самым естественным образом становятся «болванами для париков», поскольку в России в XVIII в. это парикмахерское приспособление именовалось именно таким образом, но одновременно слово «болван» имело пейоративное значение: им обозначали глушцов. В статье приведено несколько аналогичных примеров, а в конце объяснено, почему применительно к Нодье эти примеры предстают не случайными удачами переводчика, а осуществлением лингвистической утопии автора.

Ключевые слова: Шарль Нодье, «История короля Богемии и его семи замков», практика перевода, лингвистическая утопия.

Информация об авторе: Вера Аркадьевна Мильчина — ведущий научный сотрудник, Институт высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского Российского государственного гуманитарного университета, Миусская пл., д. 6, 125047 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Российская государственная академия народного хозяйства при Президенте Российской Федерации, пр. Вернадского, д. 82, 119571 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3896-0085>

E-mail: vmilchina@gmail.com

Для цитирования: Мильчина В.А. «История короля Богемии и его семи замков» (1830) Шарля Нодье: когда сам язык помогает переводить игру слов // Литературный факт. 2024. № 4 (34). С. 208–223. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-34-208-223>

Во времена нашей молодости, когда я сочиняла диссертацию про восприятие французского писателя Шатобриана в России, Андрей любил дразнить меня фразой Владимира Федоровича Одоевского: «Как жалок Шатобриан, когда в своих “Les Martyrs”...». Продолжение было не важно, главное было напомнить, что Шатобриан жалок. Много позже Андрей очень полюбил «Замогильные записки» в нашем с Ольгой Гринберг переводе и признал, что Шатобриан далеко не всегда бывал жалок (да на самом деле он всерьез этого и не думал). Вообще-то Андрей, конечно, больше любил немецкую литературу XIX в., чем французскую, но мои переводы с благодарностью принимал в подарок и не просто принимал, но и читал. И я уверена, что он оценил бы и странный, необычный, причудливый и местами очень веселый роман Нодье. Ведь чувство юмора у него было отменное. Поэтому я и сочла возможным посвятить его памяти эту заметку об «Истории короля Богемии и его семи замков».

* * *

Вышедший в феврале 1830 г. роман Шарля Нодье «История короля Богемии и его семи замков» — произведение, которое показалось бы нестандартным и вызывающим даже на фоне современной постмодернистской литературы. Тем более необычным казалось оно в 1830 г. Вот лишь некоторые из формальных странностей этого романа:

1) название, очень мало соответствующее содержанию (как и в «Тристраме Шенди» Стерна, откуда оно заимствовано, ни о короле Богемии, ни о его семи замках из романа ничего узнать невозможно);

2) раздробление авторского я на персоны, которые обладают разными характерами и то и дело вступают между собою в спор и даже в перепалку;

3) использование для названий всех шестидесяти глав существительных, оканчивающихся на -tion (по-русски, соответственно, на -ция);

4) соседство внутри текста разных жанров и стилей, от витиеватой газетной рецензии до простодушной сказки, от подражания Рабле до сентиментальной любовной истории, от «неистового» монолога Агасфера до наукообразных этимологических изысканий;

5) развертывание едва ли не по любому поводу длинных (в несколько десятков) цепочек синонимов (например, некий свиток, извлеченный из внутренностей мумии, характеризуется полусотней близких по значению эпитетов, соединенных парной рифмовкой, а действия, которые кучера производили с состарившейся и одряхлевшей кобылой Патрицией, — 36 глаголами также с рифмующимися окончаниями).

Понятно, что все это (в особенности последние два пункта) не облегчает работу переводчика и объясняет тот факт, что роман никогда не переводился на русский язык, а переводы на два европейских языка (испанский и английский) появились совсем недавно, соответственно, в 2016 и 2023 г.

Трудностей перевода в романе Нодье достаточно, но есть там и примеры противоположного свойства, которые можно назвать, по контрасту, «легкостями перевода». Как бы компенсируя предшествующие затруднения, сам русский язык, кажется, идет навстречу переводчику и даже открывает ему дополнительные возможности для игры слов. Ниже я приведу четыре примера таких «легкостей», которыми я воспользовалась в работе над переводом романа для издания в серии «Литературные памятники» (книга пока еще не вышла).

1

В романе огромную роль играет образ домашней туфли (rap-toufle). Рассказчик (точнее, одна из его ипостасей) создал некогда сочинение под названием «Похвальное слово госпоже туфле», которое аттестуется как гениальнейшее произведение всех времен и народов, однако от него сохранились только двадцать два обгоревших клочка, поскольку декламировавший его чтец заснул от скуки и не уберег рукопись от пламени свечи; правитель вымышленного государства Томбукту по имени Попокамбу обожает туфлю (следует полусотня эпитетов, характеризующих достоинства этой туфли),

«одну из тех туфель, в которых хотелось оставаться вечно». Хотя сам автор предупреждает, что не следует думать, будто он употребляет слово «туфля» в переносном смысле, ибо это «отвратительное толкование принадлежит эпохе, противной нашим нравам» (имеется в виду XVIII в. с его фривольными романами), в реальности дело обстоит именно так. Это становится очевидно для всякого, кто знает предысторию творчества Нодье, который в юности начал писать сочинение под названием «Самая маленькая из домашних туфель» (ок. 1805; 1-я публ. 1962). В нем, впрочем, до туфли дело не доходит; гораздо очевиднее сексуальный подтекст этого образа в «Принце Биби» — другом, еще более раннем незаконченном сочинении Нодье (около 1801, 1-я публ. 1923); заглавный герой здесь наделен громадной ногой и занят поисками туфли, которая оказалась бы этой ноге впору. Очевидно, что туфля играет у Нодье ту же роль, какую драгоценности играли в романе Дидро «Нескромные сокровища». Словесную игру с образом туфли Нодье продолжает в предпоследней главе «Истории короля Богемии», носящей название «Коррекция». Здесь от лица излишне целомудренного корректора книги Нодье извещает читателей, что в книге найдено «всего лишь одно слово, нуждающееся в исправлении», и слово это как раз *туфля*, поскольку вместо него повсюду следовало бы поставить *бабуша*. В прямом, а не в переносном и скабресном смысле предмет, обозначаемый этими словами, один и тот же (мягкие домашние туфли без задников), но Нодье, продолжая словесную игру, образцов которой так много в романе, развертывает по этому поводу целый каскад параллельных определений:

Бабуша, пожалуй, скрывает в себе монархическое величие. *Туфля* немедленно пробуждает в уме ощущение интеллектуальной цивилизации, по правде говоря, более полной, но менее первобытной и менее торжественной.

Довольно произнести вслух эти два слова, чтобы почувствовать, что *бабуша* есть настоящая *туфля* королей, а *туфля* — самое большее *бабуша* патрициев.

Говорят: августейшая *бабуша*; говорят: премиленькая *туфля*. Премиленькая *бабуша* звучало бы неприлично; августейшая *туфля* звучало бы бурлескно.

Дух языков высказался по этому вопросу совершенно недвусмысленно. От *туфли* можно образовать уменьшительную форму¹, а от *бабуши* — нет.

¹ Очень редкое слово *pantouflette* — уменьшительное от *pantoufle*.

Идея *туфли* неразрывно связана со всем безрассудным и легкомысленным, идея *бабуши* — со всем мудрым и степенным. Юные девушки носят *туфли*, а бабушки — *бабуши* [15, p. 394–396].

Обрываю цитату на этом месте, хотя Нодье продолжает противопоставлять два предмета еще в двух абзацах. Бабушки, которые носят бабуши, — это именно тот подарок переводчику, который я анонсировала в начале статьи. По-французски ничего смешного в этой фразе нет, она звучит совершенно нейтрально: «Les jeunes filles ont des *pantoufles*, et les grand-mères ont des *babouches*». Между *grand-mères* и *babouches* нет никакой связи, кроме той, какую заборорассудилось увидеть Нодье в его ёрническом перечислении. Но по-русски эта связь устанавливается вне всякой воли переводчика и вопреки официальной этимологии: бабуши (*babouches*), согласно этимологическому словарю Фасмера, происходят из арабского *bābuš*, *bābuġ* или же, что менее вероятно, из тюркского *parıŝ* [9]; французский словарь «Trésor de la langue française», напротив, считает более вероятным заимствование из тюркского *parıŝ*, которое само заимствовано из персидского *parīŝ*, где первый слог означает «нога», а второй «покрывать» [16]. В любом случае с русской бабушкой, производной от детского «баба», бабуши ничего общего не имеют, но столкнувшись в русском переводе, два эти слова создают замечательный комический эффект.

2

Уже упоминавшийся король Попокамбу обладал чрезвычайно густыми волосами,

и эта счастливая случайность по закону симпатии внушила ему столь ярко выраженную тягу ко всем густым шевелюрам, а равно и к парикам академическим, теоретическим, философическим, софистическим, фармацевтическим, терапевтическим, теологическим, адвокатским и университетским, что он завел коллекцию париков, равной которой не сыщется нигде в мире и которой решительно недостает нашему королевскому музею [15, p. 230]².

Король

² Еще одна из парадигматических цепочек, которых так много в романе.

затворился в любимом музее, словно в серале. Он вел там среди своих париков жизнь философа-созерцателя; он радовался своим парикам, как Соломон своим творениям, он размышлял о своих париках, он советовался со своими париками и порой покидал их с тем чувством сладостного удовлетворения, какое приносит добытая истина и какое очень редко доставляли ему заседания государственного совета [15, р. 232].

Все шло прекрасно, «и народ никогда не был так счастлив жить под водительством париков, как когда они не были надеты ни на чьи головы» [15, р. 232]. Но тут королю закрались в голову страшные подозрения:

— И все же, — сказал он сам себе, — а что если я надену этот ученый парик на глупца!

Этот судебный парик на человека жестокого и коварного...

Этот административный парик на человека хитрого и жадного...

Этот воинственный парик на человека трусливого и нерешительного...

Этот целомудренный и скромный парик, внушающий доверие и почтение, на лицемерного развратника...

— Ах Боже мой! — вскричал Попокамбу, потрянув головой так, что его длинные волосы упали ему на глаза, — как трудно управлять государством! —

И подумав немного, он изобрел такую штуку, как болваны для париков [15, р. 233].

Болваны для париков — еще один подарок русского языка переводчику. В оригинале никаких болванов нет. По-французски король изобрел просто-напросто *des têtes à perriques*, то есть дословно «голова для париков»; современный словарь толкует это как «подставку в виде головы, на которую надевались парики для причесывания и завивки» и называет такое значение устаревшим [18]. Однако по-русски эти самые «голова для париков» как раз и назывались болванами. Первоначально этим словом обозначался «отрубок дерева, у коего верх круглый, на котором парики, шляпы, шапки и другие головные уборы выправляют», а затем так же стали обозначать глупцов с «деревянными головами» [8, стлб. 269]³. В романе Нодье

³ О различных функциях слова «болван» в русской литературе XVIII в. см.: [1].

гениальный механик Мистигри «оживил» деревянные головы, но при этом они остались болванами:

— Вашему Величеству, — продолжил Мистигри, — довольно только приподнять парик над тем болваном, какого ему захочется выслушать, и постучать пальцем по одной из шишек, которая бросится вам в глаза и которые выступают вперед более или менее сильно, смотря по тому, сколько механического ума вложил я в того или иного болвана⁴.

Попокамбу Волосатый не дождался конца фразы.

— Но я не вижу ни малейшей шишки, дражайший Мистигри. — Я и копейки не дам за то, чтобы обменять на этого деревянного болвана голову моего главного сераскира⁵. Болван гладкий, как яйцо.

— Это правда, — подтвердил Мистигри, — но Ваше Величество в мудрости своей легко найдет ему употребление. Вы можете сделать из него вельможу, присутствующего при утреннем восстании с королевского ложа, наследственного сановника, любимого советника, успешливого академика, временного министра, официального журналиста. — Пойдем дальше.

— А почему на этом болване мелких шишек несметное множество?

— Это поверхностный ум, который занимается всем и не способен ни на что; глупцы называют таких людей универсальными.

— А что означает одна-единственная шишка?

— Это ум резкий и абсолютный, который сосредоточил все свои способности на одной идее, но не способен вместить две; глупцы называют таких людей философами. <...>

— Мне хочется послушать одного из моих болванов, — сказал Попокамбу, с силой нажимая большим пальцем на шишку, которую, судя по ее потертости, использовали не однажды.

— ГОСУДАРЬ, в сей великий и прекрасный день, — произнес болван...

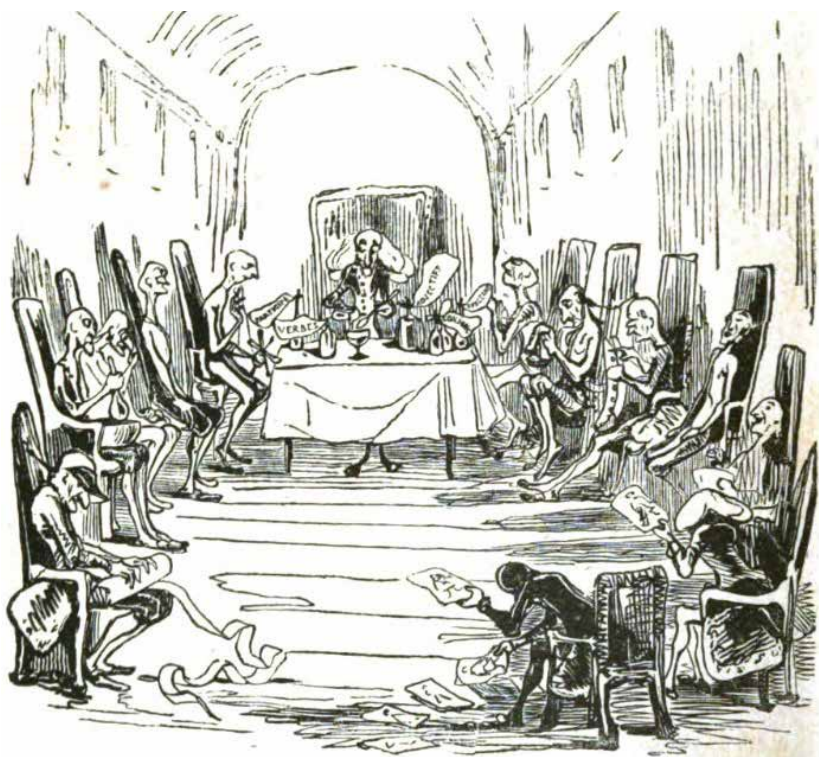
— О божественный Попокамбу! — вскричал Мистигри, — оставьте эту шишку. Эта голова мне знакома. Она всегда говорит одно и то же, но сама не знает, что говорит [15, р. 238–241].

⁴ Упоминание шишек указывает на предмет пародии — френологию, или краниологию (прямо упомянутую в следующей главе), т. е. науку об определении характера по форме черепа, создателями которой были австриец Франц Йозеф Галль и немец Иоганн Гаспар Шпурцгейм; считалось, что шишки на черепе соответствуют разным склонностям и способностям.

⁵ Слово «копейка» фигурирует в оригинале; «сераскир» здесь — полководец.

Иначе говоря, у Нодье «головы для париков» блистательно оправдывают подаренное им русским языком прозвище болванов.

Здесь будет кстати упомянуть о еще одной особенности романа «История Богемского короля». Едва ли не соавтором Нодье выступает в нем художник Тони Жоанно; «История» стала одной из первых книг, где иллюстрации напечатаны прямо в тексте, а не на отдельных страницах и порой входят с текстом в активное взаимодействие. Среди прочего Тони Жоанно изобразил и заседание болванов — членов Института Томбукту (пародия на Французскую академию, над которой Нодье в 1830 г. еще мог себе позволить откровенные насмешки; три года спустя он сам стал академиком, что обязало его к большей сдержанности). Вот они [15, р. 264]:

Заседание Академии Томбукту

Рисунок Тони Жоанно, гравюра на дереве Анри-Дезире Порре

Timbuktu Academy meeting

Drawing by Toni Joanno, woodcut by Henri-Désiré Porret

3

Одна из упомянутых выше ипостастей авторского я в романе именуется дон Пик де Фанферлюкио. Это «человек самый длинный, самый тощий, самый узкий, самый геометрически абстрактный во всех своих измерениях — самый наслышанный о греческом и латыни, об этимологиях и ономастопеях — тезах, диатезах, гипотезах и метатезах — тропах, синкопах и апокопах — громоздящий в своей голове на каждую мысль множество слов, на каждое рассуждение — множество софизмов, на каждое мнение — множество парадоксов — несметное число фамилий, имен и прозвищ — забытых названий и бесполезных дат — вздоров биологических, бессмыслиц библиологических, нелепостей филологических» [15, p. 12].

В полном соответствии с этой характеристикой педант дон Пик совершенно некстати затевает обсуждение такого предмета, как зеленая лента. Этой зеленой лентой во вставной сентиментальной повести завязаны глаза у слепой девушки после операции; этимологические и исторические штудии дона Пика не имеют к этому сюжету ни малейшего отношения, тем не менее ученый муж предается им страстно и безостановочно и доходит до утверждения, что первая из зеленых лент «это, вне всякого сомнения, та, какую голубь принес в Ноев ковчег; впрочем, многомудрый Самюэль Бошар утверждает, что этот так называемый голубь на самом деле был серебристой чайкой, ибо очень маловероятно, чтобы Ной, который мыслил довольно здраво, когда не был пьян, и имел в своем распоряжении целый садок водоплавающих птиц, вверил подобную миссию птице сухопутной. Итак, Жан Ле Пелетье, оставив библейских голубя и ворона, полагает, что то была выпь» [15, p. 149–150].

В оригинале последняя фраза выглядит так: «Aussi, indépendamment de la colombe et du corbeau de la Vulgate, Jean Le Pelletier croit y voir un butor».

Пока ничто в этом фрагменте не представляет особых трудностей для переводчика и комментатора. Библейские голубь и ворон — понятная отсылка к книге Бытия (8:6–7, 10–11). Понятны и упоминания Самюэля Бошара и Жана Ле Пелетье. Оба изучали библейских животных. Французский эрудит Самюэль Бошар (1599–1667) был автором латинского трактата «Hiégozoicon» (1663), посвященного всем животным, упомянутым в Библии; со своей стороны, алхимик Жан Ле Пелетье (1633–1711) выпустил «Рассуждение о Ноевом ковчеге» (1699), где описывал размещение животных в ковчеге, их рацион, длительность потопа и прочие важные обстоятельства.

Проблема для переводчика возникает после того, как в ответ на это ученое рассуждение подает реплику Брелок — третья ипостась автора, шут и насмешник, постоянно перебивающий Дона Пика. Брелок бросает: «Trois butors, ni plus, ni moins, Jean Le Pelletier, Vochart et toi, dit Breloque» [15, p. 150]. Если руководствоваться первым словарным значением слова *butor* — выпь, то фраза Брелока звучит нелепо: «Ровно три выпы: Жан Ле Пеллетье, Бошар и ты». Однако во французском языке слово *butor* имеет и второе значение: не только выпь (птица), но еще человек глупый, грубый, неуклюжий. Русская же выпь никаким вторым значением не обладает. Меж тем в переводе должна фигурировать именно она, поскольку этот фрагмент сопровождается иллюстрацией, на которой трем ученым мужам придано «портретное сходство» именно с выпью:

Рисунок Тони Жоанно,
гравюра на дереве Анри-Дезире Порре

Three bitterns, or three morons
Drawing by Toni Joanno, woodcut by Henri-Désiré
Porret

Выпь, или бугай
Bittern

[https://ru.wikipedia.org/
wiki/Большая_выпь#/media/
Файл:Bittern_-_Botaurus_
stellaris.jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/Большая_выпь#/media/Файл:Bittern_-_Botaurus_stellaris.jpg)

И вот тут русский язык опять приходит на помощь переводчику. Птица, которую упоминает Нодье в тексте и которая изображена на картинке Жоанно, в брачное время издает крик, напоминающий короткий рев быка, за что ее называют бугаем (бугай — устаревшее название взрослого некастрированного быка)⁶, чем я и воспользуюсь.

⁶ См., напр., в «Кавалерист-девице» (1835) Надежды Дуровой: «...слышанный мною стон происходил от птицы, живущей на болотах и называемой *бугай*, то есть

валась в переводе, потому что по-русски бугаем называют также большого громоздкого мужчину. Правда, такое употребление вошло в обиход лишь в самом конце XIX в.; судя по Национальному корпусу русского языка, самый ранний случай датируется 1892 г.; это напечатанная в «Историческом вестнике» повесть Ф.Д. Крюкова «Гулебщики», где один из персонажей говорит другому: «...тебя не пробьешь — ишь какой бугай» [5, с. 61]. Но требования темпоральной стилизации (то есть запрета на употребление в переводе слов, вошедших в русский язык сильно позже создания переводимого произведения) применительно к ироническим и комическим текстам не так строги, здесь возможны анахронизмы, главное, чтобы читатели считывали иронию. Поэтому в моем переводе монолог дона Пика кончается словами: «...полагает, что то была выпь, или бугай», после чего Брелок получает право воскликнуть: «Бугаев здесь ровно трое: Жан Ле Пелетье, Бошар и ты».

4

Одна из гипотез, объясняющих происхождение фамилии дона Пика де Фанферлюкио, заключается в том, что она происходит от названия второй главы первой книги «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле. Глава эта, которую Нодье упоминает в своем романе [15, р. 169], по-французски носит название «*Fanfreluches antidotées*». Н.М. Любимов перевел это как «целительные безделки» [7, с. 34], но для перевода «Истории короля Богемии» такой вариант подходит плохо, потому что между Фанферлюкио и безделками никакая связь не прослеживается. А связь эта важна, поскольку, по обоснованному мнению французской исследовательницы творчества Нодье, фамилия дона Пика призвана дискредитировать его ученость [20, р. 281–283], ведь относительно главы «*Fanfreluches antidotées*» (в самом деле очень темной) Нодье утверждал в статье «О некоторых сатирических книгах и ключе к ним» (1834), что «смысла она не имеет, потому что самому автору не угодно было в нее таковой вложить» [14, р. 440]. Дискредитации способствует и звучащая в этой фамилии память о том, что именем *Fanfreluche* звалась злая фея в сказке Катрин д'Онуа (писательницы, высоко ценимой Нодье) «*Babiole*» (1698; в рус. пер. «Побрякушка» [6]). Ни побрякушка, ни безделки совсем не похожи по звучанию на *fanfreluche*. Между тем русский язык подсказывает для слова *fanfreluche* паронимический перевод «финтифлюшки», который ближе и по значению, и по звучанию, а возможно, и по происхождению: французское *fanfreluches* считается

бык» [3, с. 66]. Словарь Даля называет одним из значений слова «бугай» «болотную птицу из семейства цапель... выпь» [2, с. 135].

производным от позднелатинского *famfaluca* (воздушные пузыри) [17], но к нему же восходит и итальянское *fanfaluca* (проделки, шутки), от которого, по одной из версий, произошли русские «финтифлюшки»⁷ [10].

* * *

Приведенные «легкости перевода» могут показаться просто примерами случайного везения, неожиданной удачи переводчика; собственно говоря, безотносительно к Нодье они таковыми и являются. Но в контексте лингвистических теорий Нодье они внезапно обретают глубокий смысл. Дело в том, что в число многочисленных занятий Нодье (энтомология, библиография и библиофилия, литературная критика, художественная проза) входили лингвистика и лексикография; в 1808 г. он выпускает «Толковый словарь ономапей» (2-е изд. 1828), в 1828 г. (2-е изд. 1829) — «Критический разбор словарей французского языка», а в 1834-м — «Начала лингвистики»⁸. В лингвистических теориях Нодье большое место занимала так называемая кратилическая мимологическая утопия: Нодье мечтал о семиотически прозрачном словесном знаке, чуждом конвенциональности, о «мимологическом» языке, который показывает прямую, а не условную связь между вещью и ее названием [11; 12]⁹. Так вот, пускай бабуши этимологически не связаны с бабушкой, а финтифлюшки с *fanfreluches* связаны не наверняка; пускай выпь зовется бугаем на русском, а не на французском языке, и головы превращаются в болванов тоже только на нем; эти фонетические или метафорические сближения не только помогают переводчику, но и в каком-то смысле подтверждают безусловность данных словесных знаков. Во всяком случае, мне кажется, что Нодье такую безусловность в них бы усмотрел — и был бы рад не меньше своего переводчика.

⁷ Другая версия возводит его к немецкому *Finten und Flausen* — «хитрость и легкомыслие».

⁸ Выпущенный в 2008 г. сборник работ Нодье на лингвистические или окололингвистические темы [19] насчитывает шесть сотен страниц. В названии книги 1834 г. Нодье одним из первых во Франции употребил слово «лингвистика», хотя его лингвистические штудии зачастую написаны пером не столько ученого, сколько поэта.

⁹ Таким языком представлялся Нодье язык первобытного человека, состоявший из ономапей, которые он поделил на два разряда: собственно ономапей — подражания звукам, которые первобытный человек слышал вокруг себя; и «мимологизмы» — его собственные крики и восклицания [13, р. 264]. Во времена Нодье выработка гипотез относительно происхождения языка казалась не только допустимой, но и вполне естественной; первый отказ рассматривать гипотезы такого рода был заявлен в 1866 г. (он вошел в устав Парижского лингвистического общества; см.: [4, с. 446–447]).

Литература

1. Аксаментова Е. Идол, болван и автомат: об одной сатирической традиции в русской литературе второй половины XVIII века // Русская филология: сб. работ молодых филологов. Тарту: Тартуский ун-т, 2022. 32. С. 21–34.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 1. 699 с.
3. Дурова Н.А. Кавалерист-девица. СПб.: Иван Бутовский, 1836. Т. 1. 93 с.
4. Козлов С.Л. Имплантация. Очерки генеалогии историко-филологического знания во Франции. М.: НЛЮ, 2020. 576 с.
5. Крюков С.Д. Гулебщики // Исторический вестник. 1892. Т. 50. № 10. С. 53–73.
6. Онуа М.-К. *д'*. Побрякушка // Онуа М.-К. *д'*. Кабинет фей. М.: Ладомир, 2015. С. 310–331.
7. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / пер. Н.М. Любимова. М.: Худож. лит., 1973. 784 с.
8. Словарь Академии Российской. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1789. Т. 1. 636 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Терра, 1996. Т. 1. 573 с. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/б/бабуша> (дата обращения: 17.02.2024).
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Терра, 1996. Т. 4. 860 с. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/ф/финтифлюшки> (дата обращения: 17.02.2024).
11. Genette G. *Mimologiques: voyage en Cratylie*. Paris: Seuil, 1976. 427 p.
12. Jeandillou J.-F. La linguistique fantastique de Nodier entre tradition et modernité // *Le XIXe siècle et ses langues, V^e congrès de la Société des études romantiques et dix-neuvièmiste, novembre 2013*. URL: <https://serd.hypotheses.org/files/2017/02/Langues-Jeandillou.pdf> (дата обращения: 17.02.2024).
13. Nodier Ch. Examen critique des dictionnaires. Paris: Delangle frères, 1829. 422 p.
14. Nodier Ch. Feuilletons du *Temps* / éd. de J.-R. Dahan. Paris: Classiques Garnier, 2010. 989 p.
15. Nodier Ch. Histoire du roi de Bohême et de ses sept châteaux. Paris: Delangle frères, 1830. 398 p.
16. Trésor de la langue française. Paris: Éditions du CNRS, 1974. Vol. 3. 1206 p. URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/babouche> (дата обращения: 17.02.2024).
17. Trésor de la langue française. Paris: Éditions du CNRS, 1980. Vol. 8. 1364 p. URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/fanfreluche> (дата обращения: 17.02.2024).
18. Trésor de la langue française. Paris: Éditions du CNRS, 1994. Vol. 16. 1452 p. URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/tête> (дата обращения: 17.02.2024).
19. Vaulchier H. *de*. Corpus des écrits métalexigraphiques de Charles Nodier (1808–1842) / textes établis, présentés et annotés par Henri de Vaulchier. Paris: Champion, 2008. 596 p.
20. Villeneuve R. *de*. La genèse d'un "anti-livre": notes sur les personnages de l' "Histoire du roi de Bohême" // *Studi Francesi*. 2016. Т. 179, fasc. II. URL: <http://journals.openedition.org/studifrancesi/4274> (дата обращения: 17.02.2024).

Research Article

***The Story of the King of Bohemia and His Seven Castles* (1830)
by Charles Nodier:
When the Language Itself Helps to Translate
a Play on Words**

© 2024. Vera A. Milchina

Institute for Advanced Studies in Humanities of the Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

Abstract: At the beginning of 1830, Charles Nodier's novel, *The Story of the King of Bohemia and His Seven Castles*, was published in Paris. Even in the 21st century, this novel may seem avant-garde and violates all literary canons and rules. Its narrator appears in three hypostases, which constantly enter into disputes with each other; it mixes a variety of styles and genres; its author accompanies many words with chains of several dozen rhyming synonyms. All this does not make it easier to translate *The Story of the King of Bohemia* into any language, even a related Romance language, not to mention Russian. Apparently, these features explain the fact that two translations of the novel, into Spanish and English, appeared only in the 21st century, the first in 2016 and the other in 2023, but there is still no translation into Russian. The author of the article is working on a Russian translation of *The Story of the King of Bohemia* for the "Literary Monuments" series, and the presented note is devoted to one aspect of this work. Oddly enough, it is not about the difficulties of translation (which in this situation would be quite logical) but about its "eases," that is, about those cases when the Russian language provides the translator with means of word play that are absent in French. For example, neutral "wig heads" (têtes à perruques), which come to life in the novel but behave like stupid idols, when translated into Russian, most naturally become "wig heads" <болваны для париков>, since in Russia in the 18th century this is a hairdressing device was named in this way, but at the same time the word "moron" <болван> had a pejorative meaning: it meant fools (a play on words that is absent not only in French but also in English). The article provides several similar examples, and at the end, it explains why, in the case of Nodier, these examples do not appear to be random luck for the translator, but the implementation of the author's linguistic utopia.

Keywords: Charles Nodier, *The Story of the King of Bohemia and His Seven Castles*, translation practice, linguistic utopia.

Information about the author: Vera A. Milchina, Leading Research Fellow, Institute for Advanced Studies in Humanities of the Russian State University for the Humanities, Miuskaya Sq., 6, 125047 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadsky Ave., 82, 119571 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3896-0085>

E-mail: vmilchina@gmail.com

For citation: Milchina, V.A. “*The Story of the King of Bohemia and His Seven Castles* (1830) by Charles Nodier: When the Language Itself Helps to Translate a Play on Words.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (34), 2024, pp. 208–223. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-34-208-223>

References

1. Aksamentova, E. “Idol, bolvan i avtomat: ob odnoi satiricheskoi traditsii v russkoi literature vtoroi poloviny XVIII veka” [“Idol, Moron and Machine Gun: About One Satirical Tradition in Russian Literature of the 2nd Half of the 18th Century”]. *Russkaia filologiya: sbornik rabot molodykh filologov* [Russian Philology. Collection of Young Scholars' Works], 32. Tartu, Tartu University Publ., 2022, pp. 21–34. (In Russ.)
2. Dal', V.I. *Tolkovyii slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language], vol. 1. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1978. 699 p. (In Russ.)
3. Durova, N.A. *Kavalerist-devitsa* [Cavalry Maiden], vol. 1. St. Petersburg, Ivan Butovskii Publ., 1836. 93 p. (In Russ.)
4. Kozlov, S.L. *Implantantsiia. Ocherki genealogii istoriko-filologicheskogo znaniia vo Frantsii* [Implantation. Essays on the Genealogy of Historical and Philological Knowledge in France]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. 576 p. (In Russ.)
5. Kriukov, S.D. “Gulebshchiki” [“Hunters”]. *Istoricheskii vestnik*, vol. 50, no. 10, 1892, pp. 53–73. (In Russ.)
6. Onua, M.-K. d'. “Pobriakushka” [“Trinket”]. Onua, M.-K. d'. *Kabinet fei* [Fairy Cabinet]. Moscow, Ladimir Publ., 2015, pp. 310–331. (In Russ.)
7. Rable, F. *Gargantua i Pantagriuel'* [Gargantua et Pantagruel], trans. by N.M. Lubimov, Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1973. 784 p. (In Russ.)
8. *Slovar' Akademii Rossiiskoi* [Dictionary of the Russian Academy], vol. 1. St. Petersburg, Pri Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1789. 636 p. (In Russ.)
9. Fasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language], vol. 1. Moscow, Terra Publ., 1996. 573 p. Available at: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/b/babusha> (Accessed 17 February 2024). (In Russ.)
10. Fasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language], vol. 4. Moscow, Terra Publ., 1996. 860 p. Available at: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/f/fintifliushki> (Accessed 17 February 2024). (In Russ.)
11. Genette, Gérard. *Mimologiques: voyage en Cratylie*. Paris, Seuil, 1976. 427 p. (In French)
12. Jeandillou, Jean-François. “La linguistique fantastique de Nodier entre tradition et modernité.” *Le XIXe siècle et ses langues, V^e congrès de la Société des études romantiques et dix-neuviémiste, novembre 2013*. Available at: <https://serd.hypotheses.org/files/2017/02/Langues-Jeandillou.pdf> (Accessed 17 February 2024). (In French)
13. Nodier, Charles. *Examen critique des dictionnaires*. Paris, Delangle frères, 1829. 422 p. (In French)
14. Nodier, Charles. *Feuilletons du Temps*, éd. de J.-R. Dahan. Paris, Classiques Garnier, 2010. 989 p. (In French)
15. Nodier, Charles. *Histoire du roi de Bohême et de ses sept châteaux*. Paris, Delangle frères, 1830. 398 p. (In French)

16. *Trésor de la langue française*, vol. 3. Paris, Éditions du CNRS, 1974. 1206 p. Available at: <https://www.cnrtl.fr/definition/babouche> (Accessed 17 February 2024). (In French)

17. *Trésor de la langue française*, vol. 8. Paris, Éditions du CNRS, 1980. 1364 p. Available at: <https://www.cnrtl.fr/definition/fanfreluche> (Accessed 17 February 2024). (In French)

18. *Trésor de la langue française*, vol. 16. Paris, Éditions du CNRS, 1994. 1452 p. Available at: <https://www.cnrtl.fr/definition/tête> (Accessed 17 February 2024). (In French)

19. Vaulchier, Henri de. *Corpus des écrits métalexigraphiques de Charles Nodier (1808–1842)*, textes établis, présentés et annotés par Henri de Vaulchier. Paris, Champion, 2008. 596 p. (In French)

20. Villeneuve, Rosaline de. “La genèse d’un ‘anti-livre’: notes sur les personnages de l’*Histoire du roi de Bohême*.” *Studi Francesi*, vol. 179, fasc. 2, 2016. Available at: <http://journals.openedition.org/studifrancesi/4274> (Accessed 17 February 2024). (In French)

Статья поступила в редакцию: 07.04.2024
Одобрена после рецензирования: 17.09.2024
Дата публикации: 25.12.2024

The article was submitted: 07.04.2024
Approved after reviewing: 17.09.2024
Date of publication: 25.12.2024